

К. П. Обозный

К вопросу о церковном управлении православными приходами на Псковщине в годы немецкой оккупации и в период «нового курса»

В статье предпринята попытка провести сравнительный анализ принципов и практических особенностей церковного управления в Псковской епархии в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.) и в первые послевоенные годы (1944–1949 гг.). Общие черты — отсутствие правящего архиерея и четко отлаженной работы епархиального управления, численный недостаток приходского духовенства, высокий уровень церковной активности членов приходов из числа мирян, вмешательство светских властей во внутрицерковные вопросы. Немецкие оккупационные власти вмешивались в церковные дела исходя из прагматики военной кампании с СССР, а советские власти активно влияли на развитие церковной жизни епархии, руководствуясь задачами по концептуальному изменению православной церкви в Советской России.

Ключевые слова: церковное управление, церковный совет, настоятель прихода, правящий архиерей, Псковская миссия, уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви, «новый курс».

В последнее десятилетие неуклонно растет интерес к церковно-историческим темам, в том числе посвященным советскому периоду и положению церкви на временно оккупированных советских территориях [Васильева; Гаврилин; Корнилов; Одинцов; Чумаченко; Шкаровский. *Нацистская Германия; Якунин. Правовое положение; Якунин. Экономическое положение*]. Внимание российских исследователей в основном сосредоточено на проблемах церковно-государственных отношений, церковного «коллорационизма», экономического и правового положения церкви, ее патриотической деятельности, а также послевоенного устроения церковной жизни в свете второго восстановления патриаршества в Советской России [Обозный. *Точка бифуркации*]. В то же время остается довольно широкий спектр недостаточно изученных тем,

к которым справедливо можно отнести проблему церковного управления приходами на временно оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. Используя опубликованные документы и материалы из фондов российских и латвийских архивов, автор попытается хотя бы отчасти восполнить указанный историографический пробел и наметить возможные вопросы и проблемы изучения этой темы.

Введение в проблему

Одним из наиболее актуальных и острых вопросов церковной жизни России XX в. по праву считается неудовлетворительное состояние приходской жизни. Об этом открыто начали говорить еще в конце XIX в., с тех пор как совершенно определенно был поставлен вопрос о необходимости возвращения к соборным основаниям церковного устройства и управления. Наряду с планами созыва Поместного собора и восстановления патриаршества все более отчетливо звучал призыв к возрождению приходских общин и восстановлению в них активной роли мирян.

В 1905 г. в памятной записке на имя императора Николая II митрополит Антоний (Вадковский) писал по этому поводу:

Возрождение и оживление прихода, от чего справедливо ожидают благодатных последствий для народной и государственной жизни вообще, возможно только при условии децентрализации церковного управления, когда инициатива во многих делах, а равно и окончательное вершение их будут перенесены из центра в области и епархии. Но такая децентрализация, вместе с указанной выше переменой в государственном положении Православной Церкви, естественно предполагает и влечет за собою многие изменения в строе церковного управления, как центрального, так и епархиального, и во взаимных отношениях того и другого. Все это приводит к мысли о необходимости пересмотра церковного строя [*Антоний (Вадковский)*, 63].

Поместный собор 1917–1918 гг. начал свою работу с преобразования церковного управления на всех уровнях с целью вернуть его на основы соборности. Наряду с документами, регулирующими принципы высшего церковного управления, епархиального управления, на соборе было принято Положение об устройении православного прихода. В этом документе сделаны первые важные шаги для возвращения устоев жизни приходской общины к соборным принципам. Приходской устав был принят на собо-

ре в то время, когда в стране шла гражданская война, церковь и верующих начали притеснять представители советской власти, объявившей религиозные взгляды и убеждения сначала делом частным, а затем и вовсе неприемлемым в молодой рабоче-крестьянской республике. В таких условиях практическое действие приходского устава становится трудновыполнимым.

После сокрушительного ленинского декрета об отделении церкви от государства и лишения церкви прав юридического лица, кампании вскрытия святых мощей и изъятия церковных ценностей, сопровождавшейся террором в отношении духовенства и мирян, материальное основание многих приходов и монастырей было изрядно подорвано, но сама церковно-приходская структура пока еще сохранялась. С момента выхода постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» ситуация начала стремительно меняться. Этот документ не только регламентировал условия существования приходских общин, но и создавал самые широкие возможности для «законного» сокращения численности действующих религиозных объединений, закрытия и последующего разрушения храмовых зданий. Именно после 1929 г. заметно выросли темпы закрытия церквей и разорения приходов. Долгое время это постановление оставалось фактически единственным документом, регулирующим взаимоотношения православных приходов с местными властями, и одновременно руководством для ведения внутрприходских дел в условиях диктуемых тоталитарным безбожным режимом.

Митрополит Сергей (Воскресенский), глава Прибалтийского экзархата в 1941–1944 гг., в своей концептуальной записке «Церковь в СССР перед войной», составленной осенью 1941 г. в Риге и предназначенной для немецкой оккупационной администрации, свидетельствовал о тяжелейшем положении в деле внутренней организации жизни церкви. Постановление «О религиозных объединениях» создало такую ситуацию, когда единственным субъектом церковно-государственных отношений стала так называемая «двадцатка». Экзарх Сергей так пояснял эту систему отношений:

Что такое «двадцатка»? Это двадцать граждан или гражданок, в распоряжение и под личную ответственность которых государство на крайне тяжелых условиях временно передает национализированный храм для устройства в нем общественных богослужений. Осуществляемое в таком порядке открытие храма для совершения в нем священнодействий зависит от местной «ко-

миссии по вопросам культов». От нее же зависит в любой момент закрыть храм, изъяв таковой из распоряжения соответственной двадцатки [*Записка митр. Сергия, 165*].

В соответствии с этим положением ни приходской священник, ни патриархия не имели возможности реального участия в жизни православных приходов. Священнослужитель фактически являлся наемником, его назначение в храм зависело от двадцатки, «нанимающей его за известную плату. Но, по существу, решающее слово принадлежит комиссии культов, которая может по своему усмотрению отказать священнослужителям в регистрации» [*Записка митр. Сергия, 168*]. Если клирика удавалось зарегистрировать, то он был обязан совершать в данном храме требы и богослужения. Именно этим ограничивалась его роль на приходе — «всем распоряжается и хозяйничает двадцатка, имеющая полную возможность помыкать священнослужителем по своему произволу. Никакому контролю со стороны прихожан она не подлежит. Она и им навязывает свою волю. Поэтому все зависит от личных свойств ее состава и от умения настоятеля ладить с нею» [*Записка митр. Сергия, 168–169*]. Далее митр. Сергей отмечает, что «архиереи по советским законам вообще никакой власти не имеют. Бесправие архиереев объясняется тем, что большевики совершенно игнорируют епископальный, иерархический строй Православной Церкви и вообще не признают за ее канонами ни малейшей юридической силы» [*Записка митр. Сергия, 170*]. По советским законам, подчеркивает экзарх Сергей, «архиерей легально не имеет в своем подчинении никакой паствы и, в частности, никаких священнослужителей. Он не имеет права давать никаких распоряжений по своей епархии. По закону, двадцатки совершенно от него не зависимы и между собой в организационном отношении ничем не связаны. В результате такой системы должен получиться полный паралич архиерейской власти и совершенное расстройство епархиальной жизни» [*Записка митр. Сергия, 171–172*].

В итоговой части записки экзарх Сергей делал неутешительные выводы:

...Легализация Патриархии не оправдала на практике тех ожиданий, которые первоначально на нее возлагались. Легализована была не Православная Церковь как целое, а именно лишь Патриархия. В результате получилось крайне парадоксальное положение: Патриархия оказалась легальным орга-

ном нелегальной организации. Священнослужители и двадцатки сохранили полную возможность, если им заблагорассудится, игнорировать Патриархию. Ни двадцатки, ни зарегистрированные священнослужители отдельных храмов вовсе не были формально Патриархии подчинены. Все они остались в исключительном ведении соответственных местных комиссий культов, с которыми Патриархия сноситься не могла [*Записка митр. Сергия, 176*].

В записке митрополита хорошо представлен не только анализ советского законодательства о религиозных организациях, но и собственно позиция самого экзарха Сергия по отношению к положению дел в области церковного управления с 1929 по 1941 г. В этой связи становится понятна логика церковных документов, разработанных в экзаршей канцелярии в 1941–1942 гг., по которым жизнь церкви вновь возвращается к более привычному принципу централизации власти на всех ее уровнях. Этими решениями экзарх Сергей не только воссоздает вертикаль власти с широкими полномочиями настоятеля на приходе и епископа в епархии в ущерб правам мирян, но и тем самым борется с принципом «раздробленности» церковной структуры, который стал основой разрушительной религиозной политики советского государства.

Накануне Великой Отечественной войны легальная церковно-приходская структура на Северо-Западе России практически перестала существовать. Псковская епархия была упразднена, а уцелевшие единичные приходы находились в ведении Ленинградского митрополита Алексия (Симанского). С началом немецкой оккупации церковная жизнь переживает невиданный подъем: стихийно открываются храмовые здания, в них производится ремонт, возвращаются на свое место иконы, церковная утварь и литургические сакральные предметы. Богослужения проходили при стечении огромного количества верующих, причем сохранились церковные люди, готовые не только помогать в пении, чтении, материальном обустройстве храмового здания и внутреннего убранства, но и брать на себя ответственность за общее состояние приходской жизни. Этот духовный всплеск, обеспечивший фактическое восстановление церковно-приходской структуры в период немецкой оккупации, продолжал приносить свои позитивные плоды и в послевоенный период церковной жизни так называемого «нового курса». В этой связи определенный интерес вызывает сравнительный анализ приходской жизни как таковой и изучение проблемы управления приходами в частности в эти

два этапа церковной истории в условиях тоталитарных режимов — оккупационного нацистского и послевоенного советско-сталинского.

Законодательная основа церковного управления

Приходская жизнь на оккупированном Северо-Западе России развивалась под эгидой управления Псковской православной миссии, которая была создана по благословию экзарха Прибалтики митр. Сергия (Воскресенского). С одной стороны, эти территории (современные Псковская, Новгородская и частично Ленинградская области) были частью Ленинградской епархии, правящим архиереем которой оставался митр. Алексей (Симанский), находившийся в блокадном Ленинграде. С другой стороны, реального общения, а значит и управления из Ленинграда на контролируемых вермахтом землях приходы не имели. Именно поэтому экзарх Сергей взял под свое временное управление эти части Ленинградской епархии, оказавшиеся отрезанными от церковного центра. Экзарх объяснял свои действия вышедшим в ноябре 1920 г. Патриаршим постановлением № 362 о самоуправлении епархий, в соответствии с которым «в случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п., окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением, или само Высшее Церковное Управление прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях». Этот документ также предусматривал церковную ситуацию, когда, «в случае невозможности установить сношения с архиереями соседних епархий и впредь до организации Высшей Церковной Власти, епархиальный архиерей воспринимает на себя всю полноту власти, предоставленной ему канонами» [Регельсон, 68–69].

Таким образом распоряжения и циркуляры по Прибалтийскому экзархату, подписанные митр. Сергием (Воскресенским) и пересылаемые из экзаршей канцелярии, имели одинаковую силу и для территорий, находившихся в ведении «Православной миссии в освобожденных областях России» с центром в Пскове.

Первым таким документом можно считать меморандум экзарха Сергия от 12.11.1941 г., предназначенный для канцелярии рейхскомиссара *Ostland* Х. Лозе. В нем были обозначены три

основополагающих принципа деятельности Прибалтийского экзархата: канонической законности, автономии и церковного единоначалия. В отношении последнего принципа, регулирующего положение епархий и приходов, говорилось:

Выборы должны быть заменены назначениями. Коллегиальным органам должно принадлежать только совещательное право, но не право решений. Право решений должно быть предоставлено отдельным лицам — священнику в общине, викарному епископу в епископстве, Экзарху в Остландской церкви. Управление при этом должно быть широким образом централизовано [*Меморандум, 206*].

С самого начала митр. Сергей (Воскресенский) в управлении церковью на оккупированной территории осознанно избирает принцип жесткой центральной власти, серьезно ограничивающий соборные начала церковного устройства.

Если меморандум предназначался для внешних светских властей, то «Распоряжение по Латвийской епархии» № 44 от 05.08.1942 г., а также «Временное положение о приходах» от 30.11.1942 г. были составлены для внутреннего пользования, для управления приходами и епархиями. Емко изложенный в меморандуме принцип единоначалия в указанных выше распоряжениях находил свое развернутое толкование, необходимое для слаженной работы церковной структуры в условиях военного времени. Для нашей темы наиболее актуально «Временное положение о приходах», однако и в «Распоряжении по Латвийской епархии» содержатся любопытные детали. Так, например, назначение и смещение епископов в экзархате производится единолично экзархом, при этом назначение предварительно согласуется с Генеральным комиссаром в Риге. Также по его требованию мог быть смещен епископ экзархата, по тем или иным причинам не устраивавший оккупационное руководство [*Распоряжение по Латвийской епархии, 1–2*].

Сразу нужно отметить, что последним правом смещения неудобных епископов в Прибалтике Генеральный комиссар не воспользовался. Известно, что так и не воплотился в жизнь замысел экзарха о хиротонии викарного епископа для прифронтовых территорий России. С одной стороны, митр. Сергей не смог подобрать кандидатуру для этого ответственного служения и должности. С другой стороны, немецкие власти явно не поддерживали энергичных поисков экзарха, справедливо опасаясь укрепления его позиций у верующих Прибалтики и Северо-Запада России

и завоевания авторитета у самого широкого круга русской диаспоры и национально настроенной интеллигенции. В этом ключе весьма показательна встреча экзарха Сергия весной 1943 г. с пленным советским генералом Власовым, совершавшим поездку по оккупированным территориям с целью познакомить русское население с программой свержения сталинского режима и построения свободной России. Митрополит Сергей поддержал стремление Власова и благословил его на создание Русской армии [Шкаровский, Соловьев, 117].

«Временное положение о приходах» дает гораздо больше пищи для размышлений и сопоставлений принципов приходского управления в условиях тоталитарных государств. В самом начале документа мы читаем разъясняющее предварительное замечание о временности этих правил. Как видно из текста, временное положение устанавливалось «в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени» и должно было действовать «впредь до восстановления нормальных условий мирной жизни» [*Временное положение*, 5]. Наиболее серьезным отступлением от соборного принципа управления приходом можно считать запрет на созыв общих приходских собраний. Предусмотренное исключение из правил было возможно в чрезвычайных случаях каждый раз с разрешения епархиального архиерея и гражданских властей. При этом участвовать в собрании могли только «полноправные прихожане», а председателем таких исключительных приходских собраний являлся правящий архиерей.

Приходской совет формировался из штатных клириков и светских лиц, членов прихода, в количестве от 5 до 12 человек. Епископ назначал членов приходского совета сроком на один год, при этом кандидатуры к назначению через благочинного представлял настоятель прихода. В этой оговорке можно усмотреть некоторую возможность для выражения воли прихода, донесенную до епископа хотя бы через своего настоятеля. Естественно характер и качество взаимоотношений настоятеля с прихожанами в этом случае играли весьма важную роль.

Приходской совет, в свою очередь, имел право, закрепленное в положении о приходах, выбирать из своего круга товарища Председателя, церковного старосту, кассира и секретаря. Кандидатуры на упомянутые должности, по представлению настоятеля прихода, утверждались благочинным [*Временное положение*, 5–6].

Осенью 1944 г. церковная жизнь в Ленинградской области, только что освобожденной от немецких войск, постепенно входит

в мирное русло, в то же время приобретая новые черты, обусловленные изменившейся религиозной политикой советского правительства. Как и в предвоенные годы, основным государственным документом, регулирующим церковно-приходскую жизнь, оставалось постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях». Однако в сентябре 1943 г. с началом «нового курса» сталинской политики по отношению к РПЦ, восстановления патриаршества и учреждения новой контролирующей структуры в виде Совета по делам РПЦ при СНК СССР, жизнь епархий и приходов постепенно меняется. На Поместном соборе РПЦ МП 1945 г. был принят новый документ «Положение об управлении РПЦ» от 31.01.1945 г., отражающий изменения государственной политики по отношению к церкви, закладывающий основы церковного управления в послевоенный период. Наряду с «Положением об управлении РПЦ» жизнь церкви на епархиальном уровне направлялась уполномоченными Совета по делам РПЦ, которые в этих вопросах руководствовались особыми инструкциями (иногда секретными) и указаниями Совета и Правительства. В целом содержание «Положения об управлении РПЦ» по сравнению с церковными документами периода немецкой оккупации Северо-Запада России и Прибалтийского экзархата дает несколько больше оснований для соборного управления епархиями и приходами. Так, например, общие приходские собрания теперь не запрещены, как это было записано во «Временном положении о приходах». Приходской совет в составе настоятеля прихода (он же председатель совета), старосты, помощника, казначея избирается общим приходским собранием, а не назначается правящим архиереем. В ст. 46 «Положения об управлении РПЦ» также говорится о том, что если исполнительный орган (приходской совет) допустит в своей работе «незаконмерные действия», то настоятель храма обязан донести об этом епархиальному архиерею, который после расследования этих фактов и согласования с уполномоченным Советом по делам РПЦ «предлагает общине заменить неисправных членов исполнительного органа новыми лицами». Другими словами, даже в случаях нарушения законов о религиозных культурах, «провинившихся» членов церковного совета светская власть не увольняла, архиерей не отстранял своей властью, но приходское собрание должно было вновь проголосовать и выбрать более достойных мирян в исполнительный орган.

Однако в «Положении об управлении РПЦ» точно так же, как в документах военного времени, хорошо видно, что церковные власти в СССР стремятся учитывать государственные интересы,

в том числе испрашивая разрешения у правительства на более серьезные мероприятия. На уровне прихода это проявилось в том, что настоятелю вменялось в обязанность «следить за тем, чтобы уклад и распорядок приходской жизни не препятствовал выполнению прихожанами гражданских обязанностей, например, в сельской местности в период полевых работ богослужение должно совершаться только в часы, свободные от сельскохозяйственных работ и т. п.» [*Положение об управлении, ст. 36*]. На уровне высшего церковного управления все вопросы, «требующие разрешения Правительства Союза ССР», патриарх должен обсуждать с Советом по делам РПЦ при СНК СССР. Сам перечень вопросов не уточнен, однако созыв архиерейских и поместных соборов без разрешения советской власти был невозможен. К этому следует добавить, что на епархиальном уровне предусматривался и вариант единоличного управления епископом епархии, без учреждения епархиального совета. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что «Положение об управлении РПЦ» также было далеко от основ соборности, заложенных на Поместном соборе 1917–1918 гг. В то же время в документах 1940-х гг. в церковном управлении вновь наметилась вертикаль власти, которая была демонтирована постановлением «О религиозных объединениях» 1929 года.

После беглого обзора основных документов, посвященных управлению церковно-приходскими структурами, обратимся к конкретным фактам, свидетельствующим о жизни православных приходов в годы немецкой оккупации и в период «нового курса».

Практика церковного управления — власть архиерейская

Начнем сравнительный анализ с того, что было общим в церковной жизни периода немецкой оккупации и послевоенной «пятилетки» в Псковской епархии. Прежде всего нужно отметить фактическое отсутствие епархиального управления и правящего архиерея в Пскове. Как уже было сказано выше, экзарх Сергей неоднократно пытался восполнить этот существенный недостаток, подбирая возможных кандидатов на Псковскую кафедру. Среди них протоиерей Николай Шенрок, клирик Ленинградской епархии, протоиерей Николай Миронович из Виленской епархии и иеромонах Владимир (Носов), хорошо знакомый экзарху Сергию по служению в довоенный период в канцелярии патриархии в Москве [*Дело 317, 2*]. По свидетельству члена управления Псков-

ской миссии и иподиакона экзарха Георгия Радецкого, при посещении Пскова митр. Сергей нанес визит военному коменданту и предоставил ему список из трех лиц (один из Украины, двое из Польши), возможных кандидатов на Псковскую кафедру. Экзарх просил коменданта о ходатайстве перед главнокомандующим о получении разрешения на их приезд в Псков [*Дело 1118–44, 771*]. Однако осуществиться этому плану экзарха было не дано. С одной стороны, ощущалось неявное, но принципиальное сопротивление оккупационной администрации, крайне не заинтересованной в укреплении позиций митр. Сергия в прифронтовых областях России. С другой стороны, хиротония епископа на канонической территории митрополита Ленинградского без его участия и согласия была явным нарушением церковной канонической традиции, что в будущем сулило серьезные трудности. В связи с этим роль правящего архиерея для псковских благочиний исполнял Патриарший экзарх митр. Сергей (Воскресенский) через Управление православной миссии. Это епископское руководство в основном осуществлялось посредством циркуляров, указов и распоряжений. Лично экзарх Сергей за два с половиной года деятельности Псковской миссии посетил Псков всего четыре раза — в декабре 1942 г., на светлой седмице в апреле 1943 г., в июне 1943 г. и в августе того же года по случаю торжества в честь двухлетия начала деятельности Псковской православной миссии.

Несмотря на этот явный недостаток церковного управления, постоянная деятельность руководящего органа Псковской миссии — Управления миссии во главе с протопр. Кириллом Зайцем в значительной мере восполняла имеющиеся неполноту и решала проблемы, связанные с церковной дисциплиной и церковным администрированием. По сути дела, Управление Псковской миссии для прифронтовых областей России являлось своего рода подобием епархиального совета, в состав которого в 1941–1944 гг. входили начальник Управления с функциями викарного епископа, его заместители — старший и младший ревизоры, секретарь и делопроизводитель, начальник хозяйственного стола и начальник стола по распространению христианской культуры среди молодежи, архитектор, чертежница и секретарь-машинистка. В Псковском кремле периодически проходили совещания Управления Миссии, нередко с участием благочинных и приглашенных клириков, подведомственных Псковской православной миссии.

Для послевоенного периода церковной жизни Псковщины по-прежнему было характерно отсутствие правящего архиерея,

но помимо этого до начала 1950-х гг. так и не было учреждено епархиальное управление в Пскове. Особенно болезненно на это реагировал уполномоченный Совета по делам РПЦ по Псковской области А. Лузин, поскольку из-за отсутствия епархиального Управления по всем более-менее значимым вопросам клирики и миряне обращались к уполномоченному, как законному представителю власти, облеченному в одежды защитника прав верующих. Так писал в своем отчете в конце 1945 г. сам Лузин:

Отсутствие в гор. Пскове епархиального управления отрицательно отражается на работе. Благочинные округов, настоятели церквей и отдельные граждане со всеми вопросами идут к уполномоченному, иногда количество посетителей доходит до 6-8 человек в день. О назначениях и перемещениях идут к уполномоченному, за антимиинсами, по-ихнему тоже должен снабжать уполномоченный и т. д. и т. п. [*Отчеты 1945, 6-7*].

Обязанности Псковского Преосвященного исполнял митрополит Григорий (Чуков), занимавший в послевоенный период Ленинградскую кафедру. 26 мая 1944 г. он получил назначение на Псковскую и Порховскую кафедру, при этом он временно управлял Ленинградской и Новгородской епархиями. Указ от 7 сентября 1945 г. утвердил его митрополитом Ленинградским и Новгородским с сохранением управления Псковской епархией [*Краткий очерк, 178*]. Уполномоченный по Псковской области был вынужден выезжать в командировки в Ленинград на совещания с участием Ленинградского уполномоченного Кушнарева и митр. Григория. Вместе с тем Лузин отмечал, что отсутствие епархиального Управления в Пскове сказывалось и на внутрицерковной дисциплине, вызывало серьезные затруднения в сфере контроля за приходской деятельностью. В выводах к отчету в Совет по делам РПЦ в 1946 г. уполномоченный Лузин прямо настаивает на скорейшем решении этого вопроса:

Практика 6-месячной работы показала, что отсутствие епархиального управления в городе Пскове затрудняет следить за правильностью действий церквей в области, имеет затруднения и в сборе сведений о их патриотических взносах и др. сведений. С момента назначения Григория митрополитом Ленинградским, последний с холодком стал относиться к руководству епархии, и назначение настоятелей иногда производит без предварительного согласия со мной. Наблюдение за епархией поручил одному из благочинных, который в настоящее время служит в Ленинградской епархии в городе Луге.

Считаю своевременным поставить вопрос о назначении епископа в город Псков, тем более, что кандидатура для посвящения есть в Псковской области [Отчеты 1946, 4а].

Однако в Москве не разделяли озабоченности псковского уполномоченного, и за подписью председателя Совета Г. Карпова неизменно приходил ответ: «Вы преждевременно ставите вопрос о назначении епископа в г. Псков» [Отчеты 1946, 7 об.]. Документы или достоверные факты, объясняющие такую твердую позицию Совета, пока не обнаружены. Можно лишь сделать предположение, что это объясняется острым кадровым дефицитом в православной церкви в СССР послевоенного времени. Не хватало не только клириков на открывающиеся приходы, но и епископов для управления епархиями.

Как было сказано выше, в послевоенный период Псковской епархией управлял Ленинградский митр. Григорий (Чуков), в самом Пскове дальше викарного епископа дело не шло вплоть до 1954 г. В 1947 г. указом патриархии викарным епископом Ленинградского митрополита был назначен Георгий (Садковский), епископ Порховский. В его обязанности входило наблюдение за духовенством, также он обладал правом назначения псаломщиков по Псковской епархии. Уполномоченный Совета Лузин в очередном отчете весьма скептически оценивал качества и возможности викария:

...По характеру безвольный человек и больной по состоянию здоровья. ...Тех надежд, которые возлагали на него, чтобы следить за поведением духовенства, Георгий не оправдал. Если к нему приходят за советом настоятели церквей, он им рекомендует обращаться к митрополиту Григорию [Отчеты 1948, 8].

В начале 1948 г. епископ Георгий по состоянию здоровья был отправлен на покой в Псково-Печерский монастырь, где и скончался в марте 1948 г. Вслед за этими событиями митр. Григорий совершил епископскую хиротонию архимандрита Владимира (Кобеца), бывшего на должности заместителя Псково-Печерского монастыря. Епископ Владимир был назначен настоятелем монастыря и должен был следить за церковной жизнью в Псковской епархии, т. е. становился викарным епископом, а значит, как и предшественник, обладал только правом назначения псаломщиков на приходы. После того, как еп. Владимир был отправлен в за-

граничную командировку, в 1949 г. на место Псковского епископа был прислан и зарегистрирован уполномоченным по делам РПЦ еп. Иустин (Мальцев). Он прибыл с Вологодской кафедры, имел академическое образование и был хиротонисан в самом начале «нового» курса — в 1945 г. [*Отчеты 1950*, 39]. Однако 20 октября 1949 г. еп. Иустина перевели на Казанскую кафедру, а 4 апреля 1950 г. он скончался [*Краткий очерк*, 180].

В связи с отсутствием в Пскове своего архиерея и в период немецкой оккупации, и в послевоенное время случалось, что приходские священники отказывались исполнять указания епископов, управляющих Псковской епархией — митр. Сергия (Воскресенского) и митр. Григория (Чукова). В первом случае это произошло в связи с циркуляром, запрещавшим возносить за богослужением имя Ленинградского митрополита Алексия (Симанского). Такое непопулярное и канонически спорное решение, принятое экзархом Сергием под давлением оккупационной администрации, некоторые клирики не исполняли, несмотря ни на что, они весь военный период считали своим архиереем именно митр. Алексия и продолжали молиться за него. Так, например, псаломщик Николо-Конецкого прихода С. Д. Плескач в своем докладе от 25 января 1944 г. в адрес Ленинградского епископа рассказывал о серьезном конфликте, возникшем в Гдовском благочинии епархии в мае 1943 г., когда большинство клириков после указания из Управления миссии «прекратило поминать на ектениях митрополита Алексия». Иеромонах Лин (Никифоров), несмотря на это предписание, продолжал молиться по-прежнему, вознося имя Ленинградского архиерея. Его не смутил даже проезд благочинного из Гдова, который во время богослужения поминал только имя экзарха Сергия. Более того, иеромонах Лин сделал замечание благочинному о. Алексею Ионову, «уличил его в том, что он находится в Ленинградской епархии, забыв закон о правящих иерархах». Как отмечает свидетель этой истории псаломщик Плескач, за эту принципиальность «иеромонах Лин чуть не заплатился приходом, но христиане заступились за него, и дело прекратилось». Подчеркнув, что Ионов прибыл из Латвии, Плескач подводит общий итог:

Во время службы русские священники... поминали митрополита Алексия, а потом Сергия, а литовские (прибалтийские) священники поминали только одного Сергия и архиепископа Нарвского Павла... Получился раскол [*Доклад псаломщика*, 2, 4].

Следует добавить, что псаломщик не совсем корректно называет «русскими» клириков Ленинградской епархии, а «литовскими» священников из Прибалтийского Экзархата. Большинство миссионеров из Прибалтики были русскими по крови и культуре, однако более последовательно исполняли распоряжение экзарха Сергия о прекращении поминовения имени Ленинградского епископа.

После освобождения Северо-Запада России и Прибалтики от немецких войск некоторые районы, принадлежавшие Латвии, отошли к Псковской области, породив еще одну конфликтную ситуацию. В отчете уполномоченного Совета по делам РПЦ по Псковской области этому посвящено несколько строк:

...В бытность архиепископа Григория в Пскове с 21 по 23 августа 1945 года, последним был издан указ о перемещениях по Пыталовскому и Качановскому районам. Настоятели церквей не подчинились его указу. Все они назначены Рижским епархиальным управлением в лице Македонского уже тогда, когда указанные районы числились в Псковской области [*Отчеты 1945, 2, 7*].

По-видимому, священнослужители, не признавшие указа архиепископа Григория, по-прежнему считали себя клириками Латвийской православной церкви, несмотря на изменившиеся территориально-административные границы Латвийской республики.

Похожая ситуация была отмечена в донесении Островского благочинного священника Карзубова. Псаломщик Локнянской церкви Палкинского района, ранее отстраненный от должности, продолжал служение в церкви, отказываясь признавать за архиепископом Григорием авторитет управляющего Псковской епархией [*Отчеты 1945, 4*].

В этой связи определенный интерес представляет тот факт, что архиеп. Григорий своим указом от 9 июня 1944 г. отменил все церковные награды, которыми были отмечены клирики Ленинградской епархии в период немецкой оккупации по распоряжению экзарха Сергия (Воскресенского)¹. Естественно, это не могло понравиться тем священнослужителям, в отношении которых действовал указ, что в свою очередь не могло не повлиять

1. Распоряжение управляющего Ленинградской епархией архиепископа Григория (Чукова) о недействительности наград экзарха Латвии и Эстонии митрополита Сергия (Воскресенского), выданных им в период оккупации. 9 июня 1944 г. // ЦГА

СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 13. Л. 55. (Цит. по: РПЦ в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Сборник документов. М. : Изд-во Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2009. С. 55).

на восприятие приходскими священниками епископской власти в лице Ленинградского митр. Григория (Чукова).

Приходские проблемы. Активность мирян

В числе особенностей приходской жизни Северо-Запада России в период немецкой оккупации следует отметить необычайно высокую активность воцерковленных мирян. Это явление нашло свое отражение и в документах оккупационных властей, и в донесениях и воспоминаниях псковских миссионеров [*Кирилл (Начис)*, 196].

Активность прихожан можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, длительным перерывом в легальной деятельности православных приходов. К началу Великой Отечественной войны на территории, которую впоследствии контролировала Псковская миссия, действовали не более десяти приходов. При этом духовная и богослужебная жизнь не прекращалась, она временно переместилась в катакомбы. Вторым фактором, оказавшим стимулирующее воздействие на мирян, стал острый дефицит клириков, которые традиционно возглавляли не только богослужебную, но и хозяйственно-административную жизнь прихода. Эта традиция была изрядно подорвана сначала постановлением советского правительства от 1929 г. «О религиозных объединениях», по которому власть на приходе сосредотачивалась в руках так называемой «двадцатки», состоящей из активных прихожан, готовых подписать с государством договор об аренде культового здания. Потом, после законодательного удара по статусу духовенства на приходе, последовало физическое истребление духовного сословия, достигшее своей наивысшей точки в годы «большого» террора второй половины 1930-х годов.

В период немецкой оккупации и деятельности Псковской миссии кадровый вопрос также не был решен окончательно. К концу 1943 г. по отчетам Управления миссии в ее ведении находилось около 175 священников и дьяконов. Они обслуживали около 400 приходов, которые были восстановлены за 2,5 года немецкой оккупации. Нередко один священник окормлял одновременно несколько приходов, но настоятелем был только в одном из них. В этих условиях прихожанам и церковному совету приходилось брать на себя не только естественные функции административно-хозяйственного управления, но и организацию богослужебной жизни прихода. При этом на практике не обходилось

без некоторых нарушений канонов и церковной дисциплины. Сохранился ряд свидетельств о том, что «обязанности пресвитера вынуждены были выполнять дьяконы, псаломщики и даже старосты приходов, тем самым нарушая церковные каноны. Эти люди оправдывали свои действия духовной потребностью прихожан в церковной молитве и храмовом богослужении» [Обозный. *Некоторые аспекты*, 67–68].

По-видимому, временный запрет на проведение приходских собраний на территории Остланд и прифронтовых областей России не оказал серьезного влияния на снижение активности мирян. Духовенство находило поддержку в лице не только приходского совета, но и деятельной части прихода, в которой было немало молодежи и мужчин, хотя традиционно преобладали женщины. Следует учитывать, что в большинстве случаев священнослужители прибывали на место своего служения из других районов и областей — из Прибалтийского экзархата и других епархий, разделенных линией фронта. Нередко настоятель прихода вынужден был считаться с тем укладом и местной традицией, носителями которой были уцелевшие прихожане. Приходская община, как правило, с большим почтением и искренней заботой относилась к священнослужителям, но именно миряне представляли собой постоянный элемент церковно-приходской жизни, что приходилось учитывать приезжающему из чужих регионов, меняющемуся духовенству. Другими словами, прихожане практически являлись хозяевами прихода.

После освобождения Ленинградской области в 1944 г. в большинстве приходов вновь происходит смена настоятелей, в каких-то случаях приходские общины опять оставались без священнослужителей. Как известно из документов, большая часть духовенства была эвакуирована в Прибалтику, кто-то вскоре двинулся дальше в Европу. Оставшихся на родине клириков ждали арест и суд с последующим заключением в исправительно-трудовые лагеря. Примерно половина рядового духовенства (около 80 клириков), назначенная на приходы управлением Псковской миссии, продолжала свое священническое служение. Однако постепенно большинство из них были заменены клириками из других епархий, поскольку участвовавшие в церковной жизни на оккупированной территории лица всегда оставались объектом повышенного внимания советской власти. При этом степень их лояльности к власти, как правило, решающего значения в этой ситуации не имела.

После того как на Поместном соборе в Москве в январе 1945 г. было принято «Положение об управлении РПЦ», вновь был восстановлен статус настоятеля прихода как старшего в собрании верующих на всех уровнях. Как сказано в самом документе:

Во главе каждой приходской общины верующих стоит настоятель храма, назначаемый Епархиальным Архиереем для духовного руководства верующих и управления причтом и приходом [*Положение об управлении, ст. 35*].

При этом положение приходских органов, состоящих преимущественно из мирян, в новых условиях также укрепляется. Именно по заявлению верующих жителей регистрировалась приходская община, также по заявлению от активных верующих (не менее 20 человек) общине предоставлялось в бесплатное пользование храмовое здание и церковное имущество, за которое она несла ответственность перед государственными властями. Общее приходское собрание избирало исполнительный приходской орган (церковный совет состоял из настоятеля храма, старосты, его помощника и казначея) и ревизионную комиссию. Председателем церковного совета являлся настоятель прихода, однако, в случае «незаконмерных действий исполнительного органа в целом или отдельных членов» [*Положение об управлении, ст. 46*], он не мог самочинно распустить церковный совет или единолично заменить некоторых его членов по своему усмотрению. Не имел такой власти по «Положению об управлении РПЦ» и епархиальный архиерей. Он мог назначить расследование или предпринять его лично, а после выяснения всех деталей конфликта (уведомив об этом уполномоченного Совета по делам РПЦ) должен был предложить (!) «общине заменить неисправных членов исполнительного органа новыми лицами» [*Положение об управлении, ст. 46*]. Другими словами, приходское собрание должно было самостоятельно произвести перевыборы членов исполнительного органа.

Такое положение дел на приходе представляло собой ситуацию определенного двоевластия. Казалось бы, можно только приветствовать подобное усиление роли мирян в церковной жизни. Однако не стоит забывать, что этот документ («Положение об управлении РПЦ») был согласован и, возможно, скорректирован при активном участии гражданской власти, а значит, здесь проявляется желание советских и партийных органов оставить себе возможность воздействовать при помощи «независимого» приходского актива на церковную обстановку изнутри, тем самым

формируя удобные для советского режима церковно-приходские условия жизни.

Влияние государственных органов на церковное управление

В отчетах уполномоченного Совета по делам РПЦ А. Лузина неоднократно встречаются примеры конфликтных ситуаций на уровне управления приходом, когда сталкиваются интересы клириков и церковного совета. При этом Лузин, как правило, истолковывал такие конфликты в плоскости борьбы за контроль финансовыми и материальными фондами прихода. В отчете за 1946 г. уполномоченный, не называя конкретных фамилий и приходов, отмечает:

...Настоятели церквей возглавляя исполнительный орган используют в своих корыстных целях, в особенности где ревизионная комиссия состоит из малограмотных, присваивает деньги, принадлежащие церковной общине, таким образом, создают источник доходов не подлежащих налоговому обложению [Отчеты 1946, 4].

Последняя фраза ярко свидетельствует о том, что советского чиновника по делам церкви беспокоило не явное нарушение «Положения об управлении РПЦ». В документе четко сказано, что не настоятель, а исполнительный орган приходской общины верующих «является ответственным распорядителем денежных средств прихода, следит за правильным учетом и расходом этих средств». Однако Лузину представляется выгода этой ситуации в основном в том, что позволяет использовать ее как рычаги давления на «строптивное» или слишком активное духовенство. Обвинения клириков в финансовых махинациях и неуплате налогов становятся самыми частыми в послевоенный период, вытеснив знаменитую 58 статью.

В том же 1946 г. уполномоченный вновь пишет в Москву о «вопиющих» нарушениях закона о культурах благочинными, которым Ленинградский митр. Григорий отдал руководство приходами Псковской епархии. По мнению Лузина, «основной принцип в их работе, это как бы больше заработать. Используя свое положение, как благочинные, разъезжают и проводят службу в церквях, которые не функционируют из-за отсутствия священников. В этом их поддерживает митрополит Григорий» [Отчеты 1946, 9 об.]. Вновь уполномоченный склонен видеть проблему только в свете финансовой наживы и укрепления личной власти клириков.

Несомненно, подобные ситуации также были, особенно когда на приходы Псковской епархии приезжали настоятели из других епархий или священнослужители из числа «покаявшихся» обновленческих клириков, или молодые священники, посвященные в сан в период «нового» курса, нередко не имеющие качественного духовного образования, находящиеся под влиянием советской пропаганды. Все эти обстоятельства приносили свои обертоны в развитие церковно-приходских событий.

Крайний недостаток духовенства в послевоенные годы заставлял благочинных нарушать инструкции Совета по делам РПЦ и обслуживать одновременно несколько приходов, о чем, как видно из выдержки доклада, хорошо знал и что даже поощрял митр. Григорий. Понятно, что основным мотивом этих нарушений в первую очередь была польза церковная, забота о «вдовствующих» приходах.

В отчете за 1947 г. Александр Лузин вновь жалуется на духовенство епархии и митр. Григория, настаивая на том, будто злоупотребления настоятелей происходят от того, что именно священнослужитель согласно «Положению» является председателем исполнительного органа.

Контроль за деятельностью служителей культа со стороны митрополита Ленинградского совершенно отсутствует... В связи с тем, что настоятели церквей являются председателями церковного совета, [они] используют свое положение в личных интересах, ревизионные комиссии... в своем большинстве состоят из малограмотных людей... [Отчеты 1947, 2 об.].

Весьма показательно, что эти размышления псковского уполномоченного реализуются в 1961 г. в новой редакции церковного устава, когда советская власть вновь открыто попытается «дать последний и решительный бой» религии в СССР.

Далее Лузин доводит до сведения руководства Совета конкретные примеры таких нарушений законности:

От членов церковных советов приходят ко мне и жалуются на действия священников, которые забрали хозяйство в свои руки и никого не признают. Так, например, было в Псковском Троицком соборе, где настоятель Павлов, настоятель Островского собора Карзубов, вместе со старостой отстранили остальных членов церковного совета от хозяйственных дел церкви. Настоятель Камновской церкви Псковского района никого не признает, настоятель Варлаамовской церкви Добровольский разогнал церковный совет и ряд других.

В итоге уполномоченный делает вывод:

Положение о русской православной церкви, утвержденное на Поместном соборе в большинстве приходов не выполняется и во всех церквях совет состоит из двух человек: настоятель и староста [*Отчеты 1947, 19 об.*].

По-видимому, в этих строчках отражаются реальные события приходской жизни, однако уполномоченный, во-первых, называет имена тех священнослужителей, с которыми у него складывались наиболее сложные отношения (например, Павлов усилиями Лузина через некоторое время был переведен в другую епархию). Во-вторых, описываемым случаем он придает особые акценты, выгодные для установления своей власти в Псковской епархии и компрометации митр. Григория. В-третьих, Александр Лузин подает информацию о церковной жизни в Псковской области таким образом, чтобы произвести наиболее благоприятное впечатление о своей деятельности в Совете (что естественно для государственного чиновника).

В отчетах псковского уполномоченного гораздо реже, но все же встречаются жалобы настоятелей приходов на самоуправство старосты или исполнительного органа. Например, священник Модестов из села Александрово Порховского района просил уполномоченного «...воздействовать на церковного старосту, который растратил церковные деньги на личные нужды». Лузин порекомендовал настоятелю прихода поручить расследование ревизионной комиссии, а собранные материалы направить в прокуратуру для привлечения нарушителя к ответственности [*Отчеты 1946, 28 об.*].

Весьма показательно, что в случаях приходских конфликтов, когда «потерпевшей» стороной оказывался настоятель, уполномоченный чаще всего занимал сторону исполнительного органа. Это наиболее ярко проявилось в затянувшемся конфликте в Тайловском приходе Печорского района, настоятелем которого долгие годы был благочинный Печорского округа протоиерей Элий Верхоустинский. Особенностью этого прихода в досоветский период было большое число прихожан из православных эстонцев и народности сету. После установления советской власти в 1944 г. настоятель потерял опору в приходе, по-видимому, из-за изменившегося состава приходского собрания и церковного совета. Дело в том, что часть населения района покинула родные места вместе с отступавшими войсками вермахта.

Другая часть (эстонцы и русские) после освобождения Эстонии от немецких войск была репрессирована за якобы антисоветскую и контрреволюционную деятельность. Эти изменения не могли не отразиться на составе православных приходов и на положении настоятеля прихода, лишившегося поддержки верных прихожан. Кроме того, православная церковь в Прибалтике и в Ленинградской епархии должна была перейти на новые законодательные акты, регулирующие вопросы церковного управления. Это непосредственно коснулось и Тайловского прихода. Уполномоченный, питавший к Верхоустинскому личную нескрываемую неприязнь, истолковывал проблемную ситуацию в своих интересах. Вот как эта история представлена Лузиным в отчете за III квартал 1945 г.:

В период проведения в жизнь положения Православной церкви между исполнительным органом и настоятелем церкви произошел спор. Исполнительный орган, который состоит из 2-х русских и 2-х эстонцев, выразил недоверие к настоятелю и не передавал хозяйство церкви настоятелю церкви Верхоустинскому. Последний просил разрешения провести собрание и переизбрать исполнительный орган. Собрание было приурочено к приезду архиепископа Григория. ...Учитывая создавшуюся обстановку, я намеренно не явился на собрание прихода. По договоренности с архиепископом Григорием, был послан руководить собранием секретарь митрополита Ленинградского и Новгородского Тарасов П.П. Собрание прошло в помещении церкви, на котором было зачитано положение и был выбран новый исполнительный орган, составом которого Верхоустинский остался недоволен. С моей стороны отводов не будет [*Отчеты 1945, 5*].

В последней строке Лузин демонстрирует широту своих полномочий в регулировании церковно-приходской жизни, т. е. возможность отказать в регистрации церковного совета. Поскольку новый состав исполнительного органа также не давал протоиерею Эллию полноценно управлять приходом, уполномоченный не вмешивался в эту ситуацию.

В отчете за 1948 г. Лузин еще более откровенно излагает сущность приходского кризиса в Тайлово:

С установлением советской власти русские эстонцев от управления церковью отстранили и выбрали свой исполнительный орган, что не по душе Верхоустинскому, который пользуясь доверием эстонцев, управлял приходом по своему усмотрению.

Если верить свидетельству уполномоченного, Верхоустинский обратился к нему с письмом, в котором просил «административным путем устранить прежних неисправных членов исполнительного органа». В ответ Лузин посоветовал настоятелю Тайловского прихода поступать в соответствии с «Положением об управлении РПЦ» [*Отчеты 1948, 6*].

Тогда же, в 1948 г., Лузин информирует руководство Совета о нестроениях на приходе с. Велье Пушкиногорского района. Псковский уполномоченный получил письмо от членов церковного совета этого прихода, в котором содержалась просьба вывести из двадчатки бывшую старосту Антонову. Причиной отстранения, как передает содержание письма Лузин, явилась ее активная общественная деятельность и коммунистические взгляды [*Отчеты 1948, 38*]. Сам по себе этот факт заслуживает особого внимания. По сложному внутрприходскому вопросу двадчатка обращается не к церковному начальству, а к уполномоченному Совета по делам РПЦ. Действительно, по букве «Положения об управлении РПЦ», как об этом писалось выше, состав церковного совета и ревизионной комиссии не мог формироваться или регулироваться по воле настоятеля или правящего епископа. Возможно, приход находился в состоянии раскола, в связи с чем и было отправлено прошение в Псков на имя уполномоченного. У Лузина в отчете представлена своя версия конфликта на приходе в с. Велье:

Мною проверялся состав церковного совета и оказалось, что Антонова мешала безнаказанно обворовывать церковь настоятелю Горностаеву и его дочери... Антонову из старост выгнали и поставили старостой дочь настоятеля, Рощеву, а муж ее пристроился счетоводом церкви. Я отказал в регистрации состава церковного совета, выбрали других: старостой Ильинскую, у которой мать осуждена органами МГБ в 1936 году, председателем ревизионной комиссии Федорову, брат также осужден в 1936 г. за отказ получить паспорт, помощником старосты Михайлова, сын которой при немецкой оккупации был бургомистром с. Велье. Мне стало известно, что дочь настоятеля церкви на собрании двадчатки выдвигая кандидатуру Ильинской заявила: «Надо старостой церкви избрать Ильинскую, так как мать ее пострадала за церковь».

Подводя черту под этим рассказом, Лузин докладывает руководству о своей непримиримой позиции: «Ко мне еще не приезжали для регистрации вновь избранного совета, но придется им отказать» [*Отчеты 1948, 38*].

Это яркое свидетельство показывает нам, что в период «нового курса» гражданская власть по-прежнему допускала вмешательство во внутрицерковные дела. Регистрация священнослужителя, приходской общины и его исполнительных органов сотрудником Совета по делам РПЦ становилась эффективным инструментом контроля и управления церковной жизнью по тем нормам и правилам, которые диктовала коммунистическая партия и советское правительство. Так что тезисы о свободе церковной жизни в период «нового курса» слишком преувеличены. В конкретной ситуации дело заключалось не в «разворовывании» церковных средств, как писал уполномоченный, а в необходимости развалить крепкую приходскую общину, к тому же сплошь состоящую из неблагонадежных «антисоветских» элементов.

Вмешательство гражданских властей во внутрицерковную жизнь в условиях тоталитарных режимов, как правило, неизбежная реальность. В период немецкой оккупации такие примеры также были известны — от распоряжения на изменения календарного стиля и запрета молитвенного поминовения «советских» архиереев за литургией до ареста настоятелей приходов и членов приходских органов. Однако следует признать, что оккупационные власти преследовали православных христиан в случае их политической неблагонадежности и принадлежности к партизанскому движению, тогда как внутрицерковные проблемы их особенно не интересовали. Можно сказать, что советская власть к церковному вопросу относилась более основательно и концептуально. Тотальный контроль церковной жизни диктовал особый стиль отношений чиновников из Совета по делам РПЦ с православными епископами, клириками и мирянами. Задачи этого ведомства не исчерпывались наблюдением за исполнением законодательства о культах и контролем за политической лояльностью православных верующих. Главной целью коммунистического государства на тот момент являлось не уничтожение церкви, а ее перерождение, «духовная мутация», т. е. рождение новой «советской» церкви, в чем-то напоминающей довоенный проект ОГПУ под вывеской обновленческой церкви. Совет по делам РПЦ в этом направлении выступал в качестве своеобразного селекционера, который поддерживает и стимулирует развитие необходимых системе качеств, и наоборот, безжалостно отсекает все то, что так или иначе может помешать развитию и укреплению системы. Советской селекции подвергались не только правящие архиереи, клирики, но и состав приходских органов.

Этот тезис неоднократно документально подтверждается в отчетах уполномоченного Совета по делам РПЦ А. Лузина. В 1948 г. на территории Ленинградской и Псковской областей проходила перерегистрация приходских исполнительных органов и ревизионных комиссий. Лузин и его коллега по Ленинградской области Кушнарев уведомили митр. Григория о намечавшейся проверке и просили, чтобы он со своей стороны отдал соответствующее распоряжение благочинным подведомственных ему епархий. Лузин подготовил специальные анкеты и в начале августа разослал их благочинным по Псковской епархии с тем, чтобы они распространили опросные листы по приходам благочиния. К 10 октября уполномоченный Лузин получил заполненные анкеты от 67 приходов, не прислали оформленные документы 14 приходских общин. Как пишет в своем отчете Лузин, некоторые приходы категорически отказались присылать данные о составе приходских органов. Так, например, приходской актив погоста Сенно (Печорское благочиние) и настоятель храма села Хредино Павского района объясняли свое бойкотирование боязнью репрессий советской власти в отношении активных членов приходов. Наряду с этим Лузин указывал, что он не получил анкеты от тех приходов, которые не имеют постоянного настоятеля, или в случае, если «настоятель не заинтересован иметь исполнительный орган, а имеет только старосту, с которым вершат все церковные дела» [Отчеты 1948, 52]. Не исключая подобной подоплеки саботирования указаний уполномоченного, нужно отметить, что опасения активных христиан попасть под притеснения и репрессии гражданской власти не были беспочвенными. Александр Лузин уже в декабре 1948 г., анализируя полученные данные по анкетированию членов приходских органов, заостряет внимание руководства Совета по делам РПЦ на пункте, который содержал статистические данные о количестве лиц, проживавших на территориях, оккупированных немецкими войсками, и находившихся в немецком плену. Благодаря собранным сведениям выяснилось, что около 98 % граждан от общего состава церковных советов и ревизионных комиссий православных приходов Псковской епархии проживали в период с 1941 по 1944 г. на временно оккупированных территориях [Отчеты 1948, 60]. Это еще раз подтверждает тезис о том, что большинство активных членов приходских органов Псковской епархии участвовали в церковной жизни и в период деятельности Псковской православной миссии.

С другой стороны, хорошо известно, что советские граждане, оказавшиеся в годы войны в немецком плену или на оккупиро-

ванной территории, для «советской родины» навсегда становились неблагонадежными лицами и потенциальными врагами коммунистической диктатуры. Эта степень нелояльности в понимании советских чиновников многократно возрастала, если в период своего пребывания в оккупации они еще вели активную церковную деятельность. Жители Псковской области в этом «недоверии» советской власти убедились на собственном горьком опыте.

В этом отношении красноречивым примером может служить таблица сведений о составе членов церковных советов и членов ревкомиссий по Псковской области по состоянию на 1 октября 1948 г., подготовленная Лузиным по указанию Совета по делам РПЦ (см. Табл. 1). Графа таблицы «бывшие на оккупированной территории и в плену» осталась незаполненной, хотя уполномоченный в письменном отчете в Москву называл цифру 98 % граждан из приходских органов, переживших немецкую оккупацию. Такая несогласованность, возможно, объясняется тем, что приходские общины не стали отвечать на этот «неудобный» вопрос, справедливо опасаясь притеснений советской власти. Уполномоченный Совета Лузин, по-видимому, самостоятельно устанавливал процентный показатель, о котором сообщил в своем квартальном отчете.

Весьма показателен в этой связи своего рода мониторинг активности церковной жизни и деятельности приходских органов, который регулярно проводил уполномоченный Лузин. В одном из отчетов за 1950 г. он характеризует положение церковных дел в Печорском районе и подчеркивает существенное различие по сравнению с другими районами Псковской области. Основным критерий для Лузина — отношение верующих к деятельности церкви: если в большинстве случаев церковный актив прихода состоит из 1–3 человек, то в приходах Печорского благочиния исполнительный орган включает практически всю церковную двадцатку. Не менее двух раз в год здесь проходят собрания всего прихода, а не только минимальной двадцатки. При этом на приходском собрании активно «обсуждаются вопросы, связанные с содержанием церкви, наем регента хора, сторожа и оценивают деятельность настоятеля. Настоятель церкви занимается только тем, что проводит богослужение, хозяйственными делами занимается церковный актив». Кроме того, уполномоченный подчеркнул, что церковные активы в Печорском районе состояли в основном из пожилых христиан, пользуя-

щихся среди крестьян серьезным авторитетом. Например, в селе Печки при создании колхоза все члены приходского совета были избраны местными жителями в правление колхоза [*Отчеты 1950, 22 об.*].

По-видимому, факт церковной активности мирян и высокого авторитета христиан в родных селах настораживал Лузина. Он не знал, каким образом можно было повлиять на изменение этой ситуации, поэтому довольно подробно описывает эти примеры в своем донесении в Москву. Можно сказать, псковский уполномоченный как бы намечает цель для репрессивного удара по наиболее крепкой части православной церкви. Сам по себе этот феномен объясняется тем, что некоторые районы Псковской области пополнились за счет территорий Эстонской и Латвийской республик, где церковно-приходская жизнь не подвергалась разрушению до 1940 г., как это происходило в Советской России. Поэтому смогли сохраниться живые приходские силы, состоящие из крепких крестьян, хуторян, сельской интеллигенции. Известно, что именно в начале 1950-х гг. на территории районов Эстонии и Латвии (в том числе присоединенных к Псковской области) прокатилась волна арестов крепких хозяев, мельников, всех, кто, по мнению советской власти, так или иначе затруднял насаждение чуждого местному населению колхозного строя. Среди тех, кто подвергался репрессиям, было немало православных крестьян, по поводу церковной активности которых так усердно доносил в Москву Александр Лузин.

В своем исследовании церковной жизни на оккупированных территориях Северо-Запада России профессор Алексеев подтверждает данные уполномоченного послевоенного периода и пишет о том, что особым духовным подъемом и критическим отношением к советской власти, по сравнению с другими районами, отличался приграничный Островский район: «старшее поколение в г. Острове относится положительно к приходу немецкой армии потому, что появление немцев позволило открыто проявлять свою религиозность» [*Алексеев. Ставру, 151*]. Особенно высоким уровнем активности церковной жизни отличались приходы Островского района, расположенные в приграничной зоне с территорией Латвии. Это также объясняется тем, что после присоединения в 1940 г. независимой Латвийской республики к СССР в состав Островского района вошли новые территории Латгалии с обширной сетью православных приходов, жизнь которых не была обескровлена до начала войны.

Табл. 1. Сведения о составе членов церковных советов и членов ревкомиссий по состоянию на 1 октября 1948 г.

		В городах и рабочих поселках			В сельской местности			ВСЕГО:
		членов церковных советов	членов ревкомиссий	ИТОГО:	членов церковных советов	членов ревкомиссий	ИТОГО:	
		1	2	3	4	5	6	7
Число	ВСЕГО	32	33	65	211	206	417	482
	Из них							
	мужчины	22	17	39	173	155	328	367
	женщины	10	16	26	38	51	89	115
По возрасту	до 30 лет	–	1	1	1	4	5	6
	31–50 л.	9	13	22	47	53	100	122
	старше 50 л.	23	19	42	163	149	312	354
По национальностям	русские	26	29	55	207	203	410	465
	украинцы	1	1	2	–	–	–	2
	белорусы	1	–	1	–	–	–	1
	другие национальности	4	3	7	4	3	7	14
По социальному происхождению	рабочие	6	5	11	7	5	12	23
	из купцов	–	–	–	–	–	–	–
	из служителей культа	–	3	3	5	3	8	11
	из мещан	6	5	11	1	1	2	13
	из крестьян	20	20	40	198	197	395	435
	из прочих сословий	–	–	–	–	–	–	–
По образованию	высшее	–	–	–	–	1	1	1
	среднее	7	11	18	7	5	12	30
	низшее	24 (1)	21 (1)	45 (2)	166 (38)	184 (16)	350 (54)	395 (56)

Табл. 1. Продолжение

		1	2	3	4	5	6	7
Бывшие в рядах Белой армии		–	–	–	–	–	–	–
Из офицерского состава Красной армии		–	–	–	1	–	1	1
Бывшие на оккупиро- ванной территории и в плену		–	–	–	–	–	–	–
Бывшие лишённые избирательных прав и отбывавшие наказание по суду		–	–	–	5	6	11	11
Работали в церковных органах	до 1918 г.	1	–	1	5	6	11	12
	1918–1940 гг.	8	3	11	50	44	94	105
	1941–1944 гг.	3	3	6	20	15	35	41
	после 1944 г.	20	27	47	136	141	277	324
Имеют правитель- ственные награды, ордена и медали		3	2	5	11	14	25	30
Работающие	в советских организациях и учреждениях	6	7	13	5	5	10	23
	на фабриках и заводах	5	5	10	2	2	4	14
	в совхозах и колхозах	1	1	2	7	8	15	17
	в колхозах	–	–	–	121	129	250	250
Нигде не работающие		20	20	40	25 (51)	18 (44)	43 (95)	83 (95)

Примечание:

1. В графе «Низшее образование» в скобках указаны неграмотные.
2. В графе «Нигде не работающие» в скобках указаны единоличники.

Таким образом высокий уровень приходской активности в Псковской епархии послевоенного периода не только был унаследован со времен немецкой оккупации, но в некоторых районах являлся продолжением традиции, сложившейся еще в межвоенный период независимых буржуазных республик Латвии и Эстонии.

Итоги

Подводя итог сравнительному анализу жизни в области церковного управления Псковской епархии в годы немецкой оккупации и в период «нового» курса послевоенной пятилетки, можно сделать следующие выводы. Во-первых, общих черт церковной жизни в эти разные периоды было больше, чем различий. Это объясняется тем, что и в первом, и во втором случаях церковная жизнь развивалась в условиях тоталитарных режимов, имеющих немало сходства, в том числе в области религиозной политики. В церковном отношении основными совпадающими факторами двух периодов были: отсутствие правящего архиерея, дефицит приходского духовенства, высокий уровень активности мирян и способность к самоорганизации в приходской жизни.

Что касается отличительных черт церковной жизни, то здесь прежде всего нужно обратить внимание на документы, регулирующие практику церковного управления. В период немецкой оккупации основы церковного управления были заложены во «Временном положении о приходах» и «Распоряжении по Латвийской епархии», подготовленных по благословению и при непосредственном участии экзарха Сергия (Воскресенского). В послевоенные годы (после Поместного собора 1945 г.) церковная жизнь выстраивалась исходя из «Положения об управлении РПЦ», а также многочисленных инструкций, циркуляров и указаний Совета по делам РПЦ. Общим в этих документах были жесткая централизация церковного управления и соотнесенность епархиальной и церковно-приходской жизни с требованиями гражданских властей. В то же время нельзя не отметить, что «Положение об управлении РПЦ» открывало больше возможностей для развития соборных начал на приходском уровне — благодаря выборности приходского совета и ревизионной комиссии всеми членами прихода. Этот факт, с одной стороны, позволял мирянам более активно участвовать в жизни прихода, с другой, нередко порождал конфликтные ситуации в отношениях настоятеля и исполнительного приходского органа. Определенная независимость приходского актива от настоятеля

и даже архиерея оставляла гражданской власти потенциальную возможность вмешательства во внутрицерковные дела, в первую очередь в лице уполномоченного Совета по делам РПЦ. Примеры подобного давления, осуществляемого советским чиновником, пользующимся необходимостью получения справки регистрации приходской общины и церковного совета, помимо случаев, приведенных выше, можно продолжать и дальше.

Весьма примечательно, чем уполномоченный Совета по делам РПЦ по Псковской области Александр Лузин явно был недоволен той ситуацией, которая складывалась в Псковской епархии. Причины неудовлетворительного положения в церковном вопросе уполномоченный видел в отсутствии в Пскове епархиального архиерея и епархиального управления, которые могли значительно облегчить его задачу контроля за религиозной жизнью и исполнения советского законодательства. По его мнению, псковским духовенством постоянно нарушался основной документ для РПЦ МП — «Положение об управлении РПЦ», а управляющий Псковской епархией митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) относился к этим фактам без должной строгости, доверив благочинным церковное управление на местах. Сам митр. Григорий в отношениях с уполномоченным вел себя довольно независимо, назначая священнослужителей на приходы Псковской епархии, он предварительно не согласовывал с Лузиным их кандидатуры, как это часто практиковалось в других епархиях РПЦ МП. Кроме того, митр. Григорий вполне благосклонно, а в каких-то случаях прямо поощрительно относился к нередкой практике пастырского окормления одновременно нескольких приходов, что категорически было запрещено инструкциями Совета по делам РПЦ. Эти факты позволяют предположить, что в данной ситуации отсутствие правящего архиерея приносило свои положительные плоды. Жесткая вертикаль церковного управления, восстановленная после Поместного Собора 1945 г., нарушалась, тем самым порождая временные условия децентрализации, которые не только допускали большие возможности в приходской жизни, но и затрудняли осуществление тотального контроля советской власти за «религиозными организациями».

Можно сказать, что общая черта церковной жизни двух периодов — вмешательство светской власти во внутренние дела епархии и приходов — имела свои специфические различия и акценты. Если оккупационные власти в своем желании контро-

лизовать церковные структуры исходили из практических задач текущего момента, связанных с обеспечением спокойной обстановки в тылу, то советские власти не ограничивались выявлением нелояльных режиму элементов. Сотрудники Совета по делам РПЦ при активном содействии органов госбезопасности были заняты перспективными разработками церковной жизни, целью которых была «селекция» или своеобразный отбор тех представителей епископов, клириков и мирян, кто мог и желал участвовать в создании «советской» православной церкви, т. е. структуры, не противоречащей тоталитарному строю и не конфликтующей с гегемонией коммунистической идеологии.

Первые результаты этой «селекции» дали о себе знать уже в период антирелигиозной кампании, развернутой советским правительством в конце 1950-х гг. Во многом и сегодня большинство внутрицерковных проблем — разобщенность «клира и мира», жесткая централизация власти — связаны с развитием явлений не христианского духа, особенно укрепившихся в РПЦ после второго восстановления патриаршества в СССР.

Прошли экстремальные для церковной жизни времена немецкой оккупации и диктата коммунистической идеологии, однако жизнь православных епархий и приходов в современной России так же далека от тех норм, которые были выработаны на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Жесткая централизация управления и абсолютизация власти епископа, закреплённая в последней редакции Устава РПЦ МП, создают еще более радикальные условия внутрицерковных отношений по сравнению с теми, которые сложились к середине прошлого века. Сегодня еще более актуальны (и кажется, почти неисполнимы) слова митрополита Петербургского Антония (Вадковского), написанные более ста лет назад, о «возрождении и оживлении» прихода, которые немыслимы без децентрализации церковного управления.

Источники и литература

1. *Алексеев, Ставру* = Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1981. № 14. С. 118–154.
2. *Антоний (Вадковский)* = Антоний (Вадковский), митр. Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви // Православная община. 1998. № 43. С. 60–63.
3. *Васильева* = Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–48 гг. М. : Институт российской истории РАН, 2001. 216 с.
4. *Временное положение* = Временное положение о приходах от 30.11.1942 // ЛГИА (Латвийский государственный исторический архив). Ф. 7469. Оп. 1. Д. № 139. Л. 5–6.
5. *Гаврилин* = Гаврилин А. В. Под покровом Тихвинской иконы : Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб. : Алаборг, 2009. 464 с.
6. *Дело 1118–44* = Следственное дело № 118–44 в отношении членов Управления Православной Миссии в освобожденных областях России Зайца К. И., Жунды Н. И., Перминова А. Я., Шенрока Н. С., Радецко-го Г. И., Воронова Л. А., Амозова И. В. // Архив УФСБ РФ по Псковской области. Д. № АА10676. Т. 4. Л. 812–923.
7. *Дело 317* = ЛГА. Фонд бывшего архива КГБ Латвийской ССР. Д. 317. Л. 2.
8. *Доклад псаломщика* = Доклад псаломщика Николо-Конецкого прихода Гдовского благочиния Плескача С. Д. митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому) от 25 января 1944 г. ЦГА СПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–4.
9. *Записка митр. Сергия* = Записка митрополита Сергия (Воскресенского) «Церковь в СССР перед войной»: [Приложение] // М. В. Шкаровский, свящ. Илья Соловьев. Церковь против большевизма : Митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике : 1941–1944 гг. М. : Общество любителей церковной истории, 2013. С. 164–177.
10. *Кирилл (Начис)* = Кирилл (Начис), архим. «Народ жаждал молиться, жаждал покаяния...» : Служение в приходах Северо-Запада в годы войны // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 26–27. 2002. С. 192–203.
11. *Корнилов* = Корнилов А. А. Преображение России. Нижний Новгород : Ист. фак. ННГУ, 2000. 192 с.
12. *Краткий очерк* = Краткий очерк истории Псковской епархии, 1589–2010. Псков : Рождества Богородицы епархиальный женский Снеготорский монастырь, 2010. 224 с.

13. *Меморандум* = Меморандум митрополита Сергия (Воскресенского) по поводу положения Православной Церкви в Остланде : [Приложение] // М. В. Шкаровский, свящ. Илья Соловьев. Церковь против большевизма : Митрополит Сергий (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике : 1941–1944 гг. М. : Общество любителей церковной истории, 2013. С. 178–207.
14. *Обозный. Некоторые аспекты* = Обозный К. П. Некоторые аспекты церковной проблемы лжесвященства на примере ситуации временно оккупированных территорий Северо-Запада России в 1941–1944 гг. // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского института. 2013. Вып. 8. С. 63–83.
15. *Обозный. Точка бифуркации* = Обозный К. П. Точка бифуркации: православная церковь в советской России на историческом переломе 1940-х гг. (на примере северо-западных областей) // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского института. 2012. Вып. 5. С. 9–35.
16. *Одинцов* = Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны : Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Российское объединение исследователей религии, 2005. 540 с.
17. *Отчеты 1945* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписка по ним с Советом по делам русской православной церкви 5 октября 1945 // ГАПО (Государственный архив Псковской области). Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 2. 11 л.
18. *Отчеты 1946* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписка по ним с Советом по делам русской православной церкви 13 февраля 1946 — 5 октября 1946 // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. № 7. 30 л.
19. *Отчеты 1947* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписка по ним с Советом по делам русской православной церкви 7 января 1947 — 30 октября 1947 // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. № 18. 48 л.
20. *Отчеты 1948* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписка по ним с Советом по делам русской православной церкви 15 января 1948 — 28 декабря 1948 // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. 74 л.
21. *Отчеты 1950* = Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписка по ним с Советом по делам русской православной церкви 20 января 1950 — 25 декабря 1950 // ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. № 35. 35 л.

22. *Положение об управлении* = Положение об управлении РПЦ 31 января 1945 г. URL: <http://www.ortho-rus.ru/titles/documents.htm#polozhenie> (дата обращения: 20.12.2015).
23. *Распоряжение по Латвийской епархии* = Распоряжение по Латвийской епархии № 44, 5 августа 1942 г. // ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–3.
24. *Регельсон* = Регельсон Л. Трагедия Русской церкви : 1917–1945. М. : Крутицкое подворье, 2007. 641 с.
25. *Чумаченко* = Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие : 1941–1961. М. : АИРО-XX, 1999. 242 с.
26. *Шкаровский. Нацистская Германия* = Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М. : Общество любителей церковной истории. Издательство Крутицкого Патриаршего Подворья, 2002. 523 с.
27. *Шкаровский, Соловьев* = Шкаровский М. В., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма : Митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941–1944 гг. М. : Общество любителей церковной истории, 2013. 410 с.
28. *Якунин. Правовое положение* = Якунин В. Н. Правовое положение Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История государства и права. 2003. № 1. С. 17–19.
29. *Якунин. Экономическое положение* = Якунин В. Н. Экономическое положение Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. 2010. № 9. С. 20–26. (Экономика).

К. Р. Obozny

On Church Governance of Northern Orthodox Parishes in Pskov Region during the German occupation and within the “New Course”

This article strives to make a comparison study on principles and practical peculiarities of church governance within Pskov diocese during the German occupation and in the early post-war years. This period is characterised by such common features as the absence of ruling bishop, the incoordinate diocesan administration, the numerical lack of parish clergy, the high activism of church laity, and the interference of secular authorities in internal church issues. The German occupation authorities meddled in church issues from pragmatic considerations of their military campaign with USSR. The Soviet government influenced busily the diocese's church life following the objectives of the conceptual Orthodox change in Soviet Russia.

KEYWORDS: church governance, church council, rector, ruling bishop, the Pskov Orthodox Mission, the commissioner of the Council for Russian Orthodox Church, “New Course”.